

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

| НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 2014,
№ 11 ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА

ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

"НАУКА"

СОДЕРЖАНИЕ

А.В. Бузгалин - Цивилизационный подход и "провалы" марксизма: Человек и культура.....	3
А.И. Колганов - Цивилизационный подход и "белые пятна" марксизма: Восток, Запад и "рынок как общечеловеческая ценность".....	14
А.Н. Ильин - Реклама как дискурсивная практика потребительского общества	25

Философия и наука

Памяти Александра Павловича Огурцова.....	36
В.Э. Девуцкий - Бесконечность или неопределенность?.....	41
В.Н. Порус - Методологические вызовы психологии (размышления о книге)	52
В.Г. Горохов - Историческая эпистемология науки и техники (По материалам некоторых зарубежных изданий).....	63

Из истории отечественной философской мысли

Е.Н. Мотовникова - Национальный вопрос: опыт социальной герменевтики Н.Н. Страхова.....	69
А.В. Черняев - Николай Бердяев. Реформатор без Реформации.....	79
М.С. Киселева - "Я" и история в философии Николая Бердяева.....	88
Ю.В. Синеокая - Вихревая антропология Николая Бердяева.....	100
Т.Г. Щедрина - "Ваше письмо... будто солнечный луч". Письма Юрия Панебратцева Николаю Бердяеву.....	ПО

© Российская академия наук, 2014 г.

© Редколлегия журнала "Вопросы философии" (составитель), 2014 г.

Т.С. Злотникова, Т.И. Ерохина, Н.Н. Летина, Л.П. Киященко - Русская провинция
в философском дискурсе: концептуализация метафоры.....126

История философии

И.Р. Тантлевский - Оптимизм Экклесиаста.....137
А.Б. Ковельман, У. Гершович - Поэтика сокрытия: "Теэтет" и "Хагига".....149
Т.П. Лифинцева — Тень христианства в метафизике Ж.-П. Сартра.....163

Из редакционной почты

Н.Г. Багдасарьян, М.П. Король - Наука как призвание и профессия: опыт современного прочтения М. Вебера.....174

Критика и библиография

К.Свасьян - В.Ю. Кузнецов. Взаимосвязь единства мира и единства культуры.181
А.П. Люсый - И.Е. Фадеева, В. А. Сулимов. Семиозис: субъективная антропология
символической реальности.....183
А.А. Ермичѳв - Б.В. Яковенко. История Великой русской революции: Февральско-
мартовская революция и ее последствия.....186
Наши авторы.....189

**Председатель Международного редакционного совета -
Лекторский Владислав Александрович**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. Агацци (Италия), Ань Цинянь (Китай), А.А. Гусейнов (Россия),
А.Ф. Зотов (Россия), А.Н. Нысанбаев (Казахстан), Т.И. Ойзерман (Россия),
М.В. Попович (Украина), В.С. Степин (Россия), Ю. Хабермас (Германия),

Р. Харре (Великобритания)

Главный редактор - Пружинин Борис Исаевич

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П.П. Гайдено, А.А. Гусейнов, В.К. Кантор, В.А. Лекторский,
В.Л. Макаров, В.В. Миронов, Н.В. Мотрошилова,
И.С. Разумовский (ответственный секретарь), А.М. Руткевич, В.С. Степин,
Н.Н. Трубникова (заместитель главного редактора), Т.В. Черниговская
Сайт журнала - <http://www.vphil.ra>

Методологические вызовы психологии (размышления о книге¹)

В.Н. ПОРУС

В статье рассматриваются актуальные методологические проблемы современной психологии, как они ставятся и решаются в рамках культурно-исторической психологии. Показана органическая связь этой ветви психологической науки с антропоцентрической философией культуры. Делается вывод о том, что перспективы творческих контактов психологов и философов культурно-исторической ориентации связаны с противостоянием культурному кризису.

In the article actual methodological problems of modern psychology as they are put and solved within the frame of cultural-historical psychology are considered. Organic interrelation of this branch of a psychological science with anthropocentric philosophy of culture is shown. The conclusion that prospects of creative contacts of psychologists and philosophers of cultural-historical orientation are connected with opposition to cultural crisis is done.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: методология науки, культурно-историческая психология, философия культуры,

KEYWORDS: methodology of science, cultural-historical psychology, philosophy of culture,

Трудно назвать область научных исследований, где бы методологические проблемы стягивались в такой сложный узел, как это имеет место в психологии. Узел всё туже, приверженцы единых стандартов научной методологии демонстрируют нечто вроде растерянности, и хорошо, если не уличают своих мнимых или реальных оппонентов в прегрешениях против основ научности.

Поразительно. В какой ещё фундаментальной науке её авторитетные представители не только констатировали бы, что основной методологический выбор не сделан, но

* Исследование выполнено в рамках фанта РНФ "Социальная философия науки. Российская перспектива" № 14-18-02227.

¹ *Василюк Ф.Е., Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г., Петровский В.А., Пружинин Б.И., Щедрин Т.Г.* Методология психологии: проблемы и перспективы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. Ссылки на эту книгу даются в круглых скобках.

и выражали сомнения в том, что он вообще возможен? В психологии это так и есть, что можно рассматривать как вызов философии и методологии науки (см.: [Юревич 2006; Порус 2008]).

Иногда говорят, что отсутствие единой методологии и разнообразие типов научного объяснения есть не недостаток, а напротив, отличительное достоинство психологии как науки, доказательство её адогматизма. Вот характерное признание: "Недавние исследования показали, что большинство практикующих психологов считают себя эклектиками, то есть они пользуются методами и концепциями различных теоретических источников. Одной из причин этого может быть то, что согласно экспериментальным оценкам, эффективность любого крупного направления приблизительно одинакова и практические психологи предпочитают заимствовать из каждого то, что они считают наиболее полезным" [Годд, Богарт 2001, 589]. Наряду с этим наблюдается и противоположное - интерес психологов к широкому теоретическим и методологическим обобщениям. Так бывает с молодыми, ещё только становящимися науками. Но к психологии это вряд ли относится. Или же, если наука находится, по Т. Куну, в "межпарадигмальном" состоянии, когда конкурентная борьба между различными теориями в самом разгаре, и никому особенно не хочется, чтобы она завершилась в пользу одной из них. Представители этих теорий (школ, направлений, течений), кажется, не испытывают неутолимой жадности единых принципов объяснения психологических феноменов. Можно даже попытаться истолковать это в терминах социологии науки, что не входит в задачу этой статьи.

Как бы то ни было, приходится констатировать, что "подгонка" под образцы, заданные какими-то отдельными дисциплинами, хотя бы они и ходили в лидерах науки, это - позавчерашний день научно-методологической рефлексии, воспоминания о котором, впрочем, всё ещё волнительны и оказывают воздействие на предпочтения учёных и философов. Задача последних - не гальванизировать споры о том, как провести "демаркацию" между "правильной" и "неправильной" науками, но исследовать процессы, в которых научная дисциплина обретает свой статус, без догматической ориентации на шаблоны и стандарты. Главный критерий - успешное развитие научно-исследовательской практики. А успешность можно считать по И. Лакатосу: научно-исследовательская программа успешна, если её развитие гарантирует (хотя бы на какой-то значимый срок) расширение области объясняемых фактов.

Это согласно с идеями Ч.С. Пирса. Он исходил из того, что наука стремится не к "последним" и "окончательным" объяснениям фактов, а к открытию новых перспектив исследования. Само научное исследование, полагал он, проходит в ритме чередования двух процессов: выдвижения объяснительных гипотез, их отбора по определенным критериям (абдукция) и опытной проверки, в ходе которой устраняются ошибочные гипотезы (ретродукция). Этот процесс устремлен к идеальному пределу - к утверждению, с которым согласилось бы сообщество экспертов, *если бы* ему удалось "завершить" бесконечное исследование. Этот предел и есть то, что Пирс называл "научной истиной". Если согласиться с Пирсом, "истинное объяснение" в науке есть ориентир исследовательского процесса, но не последняя остановка на его пути. Но как учёные могут судить, не сбились ли они с маршрута? Пирс отвечал: истинным в науке следует признавать то, относительно чего в настоящий момент нет веских сомнений (чем измеряется их "вес" - это отдельный вопрос). Таким образом, удовлетворительные объяснения (относительно которых у большинства экспертов нет значимых возражений) - это вехи на пути науки. Оглядываясь назад, исследователи могут по-разному судить о том, как расставлены вехи: одни остаются надолго, другие снимаются и признаются ошибочными (принцип "фоллибилизма": наука может ошибаться, но она умеет учиться на своих ошибках и исправлять их). Главное же в том, чтобы путь нигде не упирался в тупик, чтобы каждая новая веха (научное объяснение) помогла увидеть перспективу дальнейшего исследования.

Такая стратегия может вызвать сомнения. Как, например, совместить с ней *принцип объективности*? Не получается ли так, что вопрос об объективности знания подменяется вопросом о том, на чём стоит "*консенсус*" оценок этого знания? Ведь "*консенсус*" может определяться причинами, далёкими от "объективности". Но не вернее ли предположить,

что *кажущуюся* трудность здесь вызывает упрощенная или даже примитивная интерпретация "объективности"? Такое бывает - и нередко. Вспомним, сколько соломенных копий было сломано вокруг специальной теории относительности или квантовой механики, которые уличались в отступлении от принципа объективности научного знания, хотя на деле "уличители" просто не понимали этих теорий и догматически трактуемый принцип использовался ими как "философский булыжник", запускаемый в голову науки? Стратегию науки следует не допрашивать, а беседовать с ней, и в такой беседе философия может получить важные стимулы к собственному развитию.

* * *

Как отмечается в предисловии к книге, которой посвящены эти заметки, "к концу XX столетия философия, наконец, утвердилась в понимании того, что методологическое сознание всегда уже противостоящего ему объекта, в том числе или тем более "объекта" психологического исследования. С расширением понятия объективного и включением в его состав субъективно-деятельностных проработок реальности требуется поиск новых видов рефлексивности, учитывающих это важное обстоятельство" (с. 6). Книга как раз и демонстрирует этот поиск, указывая на методологическое многообразие в психологии.

Впрочем, если говорить о новизне, то она относительна. Речь идёт о поисках, намеченных ещё в первой трети XX в. трудами Л.С. Выготского и его последователей, положившими начало "культурно-исторической психологии" (КИП). Это направление было и остаётся в сложных отношениях с другими методологическими стратегиями в психологии.

И неудивительно. Общим признаком господствующих методологических концепций (не только в психологии) является то, что они "фактически отказались от выявления ориентиров познавательной деятельности в пользу её дескрипции" (с. 21). Иными словами, из этих концепций, подогретых на огне эмпиризма, испаряются философские (например, аксиологические) компоненты. КИП расходится с этими концепциями, делая упор на культурно-ценностные основания научно-познавательной деятельности. Элементы методологического оснащения КИП трудно отличить от культурных феноменов; они не только облачаются в одни и те же словесные формы, но и сплетаются по смыслу. Не случайно авторы указывают на *метафоричность* понятий КИП. "Обращение к метафоре как бы снимает иллюзию понятности, показывает недостаточность, порой банальность определений, возвращает к тайне смысла, вызывает желание прикоснуться к ней, сделать её более осязаемой" (с. 32). Так говорят о чем-то живом, чувствительном и изменчивом - в противовес привычному требованию работать с понятиями как с чем-то вполне определенным, жёстким. И это делается не по недосмотру или на "методологическом кураже". Это осознанный выбор иной методологической установки в психологии: она направлена на сохранение "идеальной жизни сознания", чтобы её "живые понятия" не были вытеснены или подменены логическими конструктами, выстроенными в застывшие дискурсы.

Спорная, даже дерзкая методологическая новация. Собственно, тому, кто склонен понимать методологию как набор правил и принципов, с помощью которых наука отгораживается от культурных "наносов", от влияния ценностных ориентации, якобы ослабляющих или сводящих на нет требование объективности научного знания, КИП может показать примером манипулирования смыслообразами (вместо понятий), метафорического поэтизирования (вместо логических выводов), вольного рассуждения о том, что следовало бы заключить в строгие рамки научности, избавить такие психологические понятия, как "личность", "душа", "субъект", "сознание", "мышление", "творчество" и другие - из того же ряда - от расплывчатости, поэтической ауры, неопределенности и т.д. Что возразить такому ригористу от методологии?

Конечно, было бы слабым возражением сказать, что перечисленные понятия и способы их связывания в систему знаний слишком *сложны*, что методологическая обработка по шаблонам "точных наук" стала бы для них прокрустовым ложем. Это только усилило бы скепсис по отношению к такой психологии, которая почему-то предпочитает метафоры

дефинициям: наука не терпит стыдливых кивков на сложность и непокорность объекта, ускользающего от её посягательств. Дело в другом.

Ещё раз: понятия КИП и принципы культуры выражаются одними и теми же словами. Например, "личность" - это психологическая категория и в то же время онтологическая основа культуры. То же можно сказать о "мышлении", о "субъекте" и т.д. КИП говорит о своих объектах языком культуры, а онтологические основания культуры выражаются языком психологии. Эти языки "прорастают" друг в друга, они неслиянны и нераздельны.

Из этого - важные последствия. Важнейшее - утверждение о том, что культура как таковая является *идеальной объективной формой*, "которая усваивается и субъективируется в процессе индивидуального развития, т.е. становится реальной формой психики и сознания человека" (с. 53). Это ключевое положение - философская предпосылка КИП, которая одновременно выступает как её теоретическое основоположение. Такое возможно потому, что его философское и психологическое содержания взаимно проникают друг в друга так, что граница между ними то и дело исчезает. Если так, то можно было бы назвать КИП "философской психологией" или "психологической философией" - и в этом не было бы ошибки.

Человек застаёт культуру при своём рождении. Но станет ли её идеальная форма реальной формой его психики - изначально не предопределено. Для этого требуется то, что М.К. Мамардашвили называл "усилием человека быть человеком". Если усилие достаточно, идеальная форма "присваивается" человеком и может быть развита им. Такое развитие "идеальных форм" есть в то же время и развитие субъективной "реальной формы" - оба эти процесса идут одновременно и сопряжены друг с другом по смыслу. Тем самым снимается жёсткое противопоставление объективного и субъективного "не только в гносеологии, но и в онтологии человеческой жизни" (с. 55). "Значит, аффективно-смысловые, равно как и знаково-символические образования, - идеальная форма, - взятые на полюсе культуры в связке "культура-индивид", столь же объективны, сколь и субъективны (субъекты, личноегны) не только по своему происхождению, но и по способу своего существования и действия, а не только воздействия" (с. 57).

Это - принципиальное новшество в философской интерпретации метода психологической науки. Вместо догматического разделения "субъективного" и "объективного" на первый план выходит понимание их нераздельного (и в корне своём - онтологического) единства. Конечно, это связано со спецификой психологии. Однако, я думаю, этот методологический ход имеет универсальный смысл и направлен к реформе как философской теории познания, так и методологической концепции, вытекающей из анализа "неклассической науки" вообще и "неклассической психологии", в частности. Сделав такой ход, психология получает право называть себя "органической": она исследует "духовный организм", образуемый различными, но составляющими единство, психологическими функциональными системами. Связи между этими системами, переходы от идеальных объективных форм психики к реальным осуществляются "медиаторами" или "психологическими орудиями" (как их называл Л.С. Выготский): знаком, словом, символом. "В них также имеются объективная и субъективная составляющие. Они могут выполнять посредническую функцию между реальной и идеальной формами, так как обнаруживают глубинное сходство с последними" (с. 70). Возможно, самое главное сходство в том, что они "живые", деятельные формы (а значит, могут и умирать.....есть ведь "мёртвые символы", "мёртвые слова", "мёртвые языки"!)). Именно поэтому они способны устанавливать *органическую связь*.....иначе они были бы только протезами!

Смыслообразом духовного организма является "душа" слово, многократно изгонявшееся из психологического словаря. Можно считать его метафорой, если это кому-то покажется компромиссом с научной методологией, провозглашающей примат эмпиризма над теоретическими конструктами. Но авторы книги скорее склонны использовать "душу" как понятие, позволяющее рассматривать "функциональные органы" психики как "душевные интегралы", иначе сказать, психические процессы - как "силы души" (с. 91). "Если атрибуты души - познание, чувство и воля - есть реальность, то и душа и дух не менее объективны, чем, например, материя (в философском смысле" (с. 96). Затеять философский

спор вокруг этого тезиса, ссылаясь на различные "определения" материи, скучно и ни к чему. Важнее подчеркнуть, что авторы сознательно разрушают методологические барьеры между "субъективным" и "объективным", лишая эти слова догматического смысла.

КИП может быть названа психологической теорией деятельности с вытекающими из этого методологическими следствиями. Через деятельность человек соотносит себя с действительностью, в ней осуществляется его самореализация. Было бы преувеличением считать, что исходя из принципа деятельности, можно объяснить всю психологическую реальность. Однако теория деятельности, складывающаяся не только в рамках психологии, имеет для последней важнейшее значение, подобно теории зрения или науке о памяти.

Один из острых вопросов психологии - соотношение и взаимопревращение внешней и внутренней форм действия. Методология КИП отказывается решать этот вопрос в терминах "интериоризации" и "экстериоризации". Эти понятия, полагают авторы, утрачивают свой объяснительный потенциал. "Если с самого начала признать, что предметная деятельность в такой же степени материальная, как и идеальная; если признать, что живое движение живо не только (и не столько) своими внешними формами, но и формами внутренними; если, наконец, признать, что сама предметная деятельность есть идеальная форма, то понятие интериоризации в теоретической психологии станет излишним... Предметное действие не интериоризируется, оно сохраняется как таковое или бесконечно совершенствуется, или разрушается от неупотребления" (с. 112-113). Разумеется, этот вывод - прямое следствие из центрального тезиса КИП, упомянутого выше.

Внешняя форма действия предполагает его внутреннюю репрезентацию (в словах, образах, планах и т.п.). Эти формы (внешняя и внутренняя), а также связь между ними, находятся в постоянном изменении, развитии, это процесс, открытый к усвоению все новых медиаторов и их разновидностей. Остановка развития означала бы духовную смерть. Если же трудности развития преодолеваются, духовная жизнь повышает свой "уровень порядка", характеризующийся возрастанием "степеней свободы".

Обратим внимание на переключку идей КИП и синергетики. Она не могла не возникнуть уже потому, что в обоих этих течениях методологической мысли столь важное значение имеет идея самоорганизации. Возможно, эта переключка станет ещё оживлённее, ведь психические процессы, как они рассматриваются в КИП, могут быть отнесены к ряду "открытых систем" или "диссипативных структур" (в терминах И.Р. Пригожина).

* * *

Другой круг методологических идей связан с реакцией психологии на современный конструктивизм. Распространение конструктивистских идей в психологии авторы объясняют тенденцией к увеличению в ней удельного веса прикладного знания. "Прикладное исследование ориентировано на получение инструментального знания, на получение знания, которое оценивается, прежде всего, по его практической эффективности, а не с точки зрения его истинности. Здесь задачи ставятся извне - клиентом, заказчиком. И результат оценивается ими же. А их интересует прежде всего технологическое решение задачи, воплощаемое решение, а не объективное представление о мире. Рациональное обоснование полученного эффекта на базе уже существующей системы знания оказывается вне мотивационной структуры прикладной науки, так что полученное знание как бы изымается из познавательного процесса и продолжает свое существование в формах, зачастую просто исключаящих его дальнейшее участие в развитии целостной системы рационального знания" (с. 125).

Я думаю, здесь некоторое преувеличение. Несомненно, интенции заказчика результатов исследования и интенции исследователей, ищущих истину, могут не совпадать. Но нельзя сказать, что эти интенции в корне противоположны. Вне поиска истины вряд ли можно надеяться на практический успех научного исследования. Различия между целевыми и ценностными ориентирами фундаментальной и прикладной науки, наверное, слишком акцентируются - не самими учёными, но эпистемологами и философами науки.

Можно согласиться с тем, что "радикальный конструктивизм, коль скоро он претендует на статус философско-методологической программы, так же сталкивается с необходимостью строить свои методологические рекомендации исходя из имманентных характеристик познания как конструирования. В противном случае перед нами не методология, а просто красивая и неуязвимая, но методологически совершенно бесплодная позиция - этакое скептическое умонастроение" (с. 130). Характерно, что "радикальный конструктивизм" обращается к *психологизму и натурализму* (т.е. к психофизиологическим состояниям познающего субъекта как важным характеристикам познавательно-конструирующей деятельности) и в этом видит шанс на выход из методологических тупиков, в которых заблудились позитивисты и постпозитивисты (последние с их программами социологизированной методологии). Тем самым радикальные конструктивисты неизбежно превращают психологическое исследование в натуралистическое описание человеческих переживаний. Кому-то это покажется приемлемым сближением психологии с эмпирическим естествознанием. Мне же представляется, что эта методологическая стратегия повторяет уже пройденные пути. Из чего не следует, что по этим путям уже не стоит ходить вовсе. Просто надо отдавать отчёт в том, что можно и что нельзя на них найти.

* * *

Для всякой науки обнаружение и устранение внутренних парадоксов - испытанная стратегия развития. Для психологии (не забудем: она - единокровная родственница философии) важны парадоксы, возникающие при анализе свободы и ответственности. Вот *первый парадокс*: "избыточное число степеней свободы представляет собой необходимое условие осуществления необыкновенных и далеко еще не раскрытых возможностей человеческого действия, а способы их преодоления составляют тайну механизма построения свободного целесообразного, точного действия" (с. 137). *Второй*: "избыточное число степеней свободы образа по отношению к оригиналу представляет собой необходимое условие однозначного восприятия действительности, верного отражения её пространственных и предметно-временных форм" (с. 139). *Третий*: "наличие избыточных степеней свободы внимания, обеспечивающего индивиду практически неограниченное пространство выбора, является необходимым условием его избирательности и предельной концентрации" (с. 142). *Четвертый*: "избыточное число степеней свободы ассоциативных (по сходству, смежности и контрасту) и смысловых связей обеспечивает не только удивительную ёмкость, но и готовность к отклику, доступность человеческой памяти" (с. 143). *Пятый*: "получение нетривиального, порой единственного результата в интеллектуальной деятельности возможно благодаря её свободе, которая приближается к абсолютной, хотя, конечно, таковой не становится" (с. 147). У всех этих парадоксов - нечто общее. Во-первых, это не логические противоречия, а содержательные трудности рассуждений о свободе. Поэтому и разрешение парадоксов требует не логических ухищрений, а перехода на более глубокий смысловой уровень. Во-вторых, они имеют одну и ту же схему рассуждения: человек действует (физически или интеллектуально) тем свободнее (точнее, уверенней, реактивнее), чем удачнее (успешнее) он освобождается от излишеств своей свободы.

Это "укрошение" свободных систем есть важнейшая характеристика человеческой активности. Человек, укрощая (ограничивая, осуществляя выбор) данную ему от природы или от культуры свободу, получает возможность собственного свободного действия. Это требует ответа на главный вопрос психологии и философии: *что такое человек?*

Путь к ответу - через исследование проблемы личности, центральной не только для психологии, но для всего гуманитарного знания. Определение личности, говорил П. А. Флоренский, дело невозможное, поскольку "личность" - сущность, трансцендентная всякому понятию, это *символ*, содержание которого непосредственно переживается в опыте духовного самосозидания. "Личность" *живое* понятие, именно поэтому оно не вмещается в рамки жестких дефиниций. Тем не менее, самогождественность личности есть необходимое условие её культурного бытия, её психологического понимания, как и понимания философского. Здесь, как и всюду, где КИП доходит до своих онтологических и гносеологических оснований, возникает "парадокс": одновременная невозможность

и необходимость определений. И этот парадокс разрешается углублением смысла понятия "личность", раскрытием его неоднозначности, а следовательно, множественности дефиниций, образующих некую "топологическую систему" (они несводимы друг к другу, но есть способы перехода от одного определения к другому). Вспоминается поставленная Г.Г. Шпетом проблема: кому принадлежит сознание, кто его "хозяин"? [Шпет 2006, 303]. Пусть мы согласимся с тем, что "Я" есть множество различных ипостасей-персонификаций, образующих разноуровневую систему. Как организована эта система? "По сути, мы имеем дело с собранием, коллективом, парламентом Я (настоящим, в котором есть место для дискуссий). Значит, потенциально "государство Я" может иметь диалогическое, М.М. Бахтин сказал бы - полифоническое, как и сознание, устройство" (с. 175).

Заметим, что это похоже на предложение Д. Юма: "...я не нахожу лучшего сравнения для души, чем сравнение ее с республикой, или же общиной (commonwealth), различные члены которой связаны друг с другом взаимными узами властвования и подчинения... Подобно тому как одна и та же республика может изменять не только состав своих членов, но и свои законы и постановления, одно и то же лицо может менять свой характер, свои склонности, впечатления и идеи, не теряя своего тождества" [Юм 1996, 376]. П. Рикёр назвал это сравнение "хитроумной увёрткой" [Рикёр 2008, 159] и был прав в том смысле, что оно не разрешает проблему, а только объясняет, почему осознание иллюзорности тождественного самому себе Я всё же не вызывает психологического дискомфорта. Не является ли такой же "увёрткой" сравнение Я с полифоническим устройством?

Здесь важно различие-со сравнением Юма. Для шотландского мыслителя иллюзорность самотождественности Я была аргументом в споре науки с субстанциалистской онтологией, с метафизикой. Разоблачение иллюзии было для него свидетельством ограниченности претензий философского рационализма, сохранявшего генетическую связь с теологическими представлениями о душе. Для КИП гетерономность Я - это прежде всего свидетельство в пользу центрального тезиса: "личность", "сознание", "Я" - понятия, для которых нельзя найти однозначные определения, в которых субъективность и объективность сплетаются в нерасчленимое единство. "Разумеется, личность представляет собой социально-историческую, а не телесную реальность... Личность - это, конечно, верховный синтез поведения и деятельности, а не надсмотрщик за ними, Я или сознанием" (с. 190).

Методологические установки КИП позволяют так переосмысливать даже самые трудные и тонкие психологические проблемы, что при этом их обсуждение выходит из тупиков и получает новую перспективу. Это относится и к проблеме *понимания*. "Понимание" проблематично хотя бы потому, что это понятие не имеет строго фиксированного содержания и объёма. Понимать значит *достигать* смысл (уже имеющийся в том, что понимается) или *толковать* нечто (то есть наделять смыслом); понимание может стать итогом размышления или предшествовать размышлению (например, интуитивное понимание), может быть полным и неполным, правильным или неправильным, осознанным или неосознанным. "Культурное понимание" - это извлечение смысла вместе с его знаковым оформлением, что даёт возможность его дальнейшей трансляции (с. 199). Но знаковое оформление может *пониматься отдельно*: так, исполняя какой-то ритуал и сознательно следуя его знаковой форме, исполняющий может не понимать его культурного смысла (или вкладывать в него смысл, отличный от исходного). Понимание может быть *совместным творением смысла*: когда артист или режиссер интерпретируют замысел автора пьесы или когда слушатель музыки создает собственную систему смыслообразов, инспирированную актом её восприятия (см.: [Порус 1990, 256-277]). Понимание в его психологическом значении нельзя отделить от эмоций, переживаний, оно может быть сочувственным или отвращающим, вызывающим желание или уничтожающим его. Обобщенно: понимание - это освобождение *от* чего-то или свобода *для* чего-то. В этом смысле понимание есть цель культурного бытия человека (если культура такова, что понимание находится в числе её ценностей).

Методологическая специфика психологии вовсе не обязывает принять тезис о её противоположности методологии естествознания. "Семья науки" едина, а между её членами - "семейное сходство" (в смысле Л. Витгенштейна). Но указания на этот очевидный факт явно не достаточно, чтобы ответить на вопрос, почему какой-то из членов принадлежит именно этой семье. Астрология или парапсихология имеют нечто общее с астрономией и психологией, но следует ли из этого, что они "родственники"? Представление о науке необходимым образом связано с указанием на её культурную цель. "Эта целевая установка науки рефлексивно осознаётся как культурно-историческая потребность в познании. Она фиксируется в виде культурно-исторического сознания, закрепляющего культурную ценность познания как такового и разрабатывающего методологические процедуры, необходимые для поддержания этой цели - рациональность, эмпирическую обоснованность, эмпирическую воспроизводимость и главное, возможность использовать существующее знание для получения нового знания. В этом состоит установка фундаментальной науки, в том числе и психологии" (с. 238). Но если так, то естественно-научная и гуманитарная установки действительно родственны.

Это находит отражение в современных стилях психологических исследований. Особенно тех исследований, которые максимально приближены к практическим целям и ценностям. Такова, например, область "понимающей психотерапии". Её доля в общем корпусе психологических исследований высока. Настолько, что её считают "системообразующим ядром" не одной только практической психологии, но и общепсихологической теории. Это ставит перед психологией вызов: она должна ответить на вопрос, "есть ли в её корнях и истоках, в её генотипе потенции порождения полноценных психологических (и в частности психотерапевтических) практик" (с. 242). Вызов нешуточный. Если таких потенций нет, ценность психологии умалится до ничтожной, не так ли? Ну, а если есть, то надо ещё теоретически (!) объяснить, как эти потенции реализуются. Это как если бы перед теоретической механикой была поставлена задача: дать обоснование применимости её законов в инженерном деле. Но перед теоремеханикой такой задачи никто не ставит, видимо, потому, что её прикладная значимость никем не оспаривается. Если же подобная задача ставится перед теоретической психологией, то в этом проглядывает некое недоверие к последней. Психотехника, дескать, существует и даёт практические результаты, а вот психологам-теоретикам ещё нужно побеспокоиться о том, чтобы дать этим результатам надлежащее фундаментальное обоснование. Подобные умонастроения не редкость, но, может быть, они даже в чём-то полезны теоретикам, не позволяя им расслабляться и "дремать в неведении счастливом" относительно практической применимости их теоретических построений.

«"Психотехническая система" это специфический "организм", включающий в себя психологическую теорию и практический метод, организм, где теория включает практику как основу всякой своей научной операции, где теория своим предметом делает не некий "объект", а "практику-работы-с-объектом", где адресатом теории является психолог-практик, и где, с другой стороны, практика является не просто изнутри просвещенной и извне оправданной данной теорией, а где сама она является центральным исследовательским методом» (с. 243). *Практика* и есть *метод* ~ такое заявление настораживает. Можно, конечно, говорить об "эмпирических теориях", где теоретическими объявляются положения, выведенные из наблюдений и иных эмпирических процедур. Такова ли психология? Или нужно понимать это заявление как эмфатический оборот, который для того и нужен, чтобы обратить внимание на то, что теория часто не поспевает за практическими исследованиями и нужно это отставание ликвидировать? Если так, то не грех и подразнить теоретиков и философствующих методологов.

Впрочем, с дальнейшими пояснениями настороженность по отношению к тезису "Практика есть метод" сменяется интересом к тому, как эта практика осуществляется, какая роль в ней отводится теории, какова общая структура процесса психотехнического исследования. Психология понимается не как теория, существующая как бы независимо от своих практических применений, а как "дисциплина", в структуру которой "практика" входит как системообразующий, первичный элемент. Иначе сказать, практика не следует

за теорией, превращая ее положения в методические рекомендации, но скорее выдвигает определенные требования к теории, понуждая теорию соответствовать себе. Тем самым практика психологов (терапевтов, консультантов) реализует свой *теоретический потенциал*.

Понятно, что это возможно лишь в том случае, если психологическая теория сама несет в себе заряд "философии практики" или, как поясняют авторы, "эпистемологии, учитывающей культурно-исторические измерения научно-познавательной деятельности" (с. 252). Такова КИП, она соединяет в себе практическую ориентацию основных теоретических положений и теоретическую потенцию психологической (психотехнической) практики. "Переживание" - ключевая категория "понимающей психотерапии", она "даёт представление о переживании как работе, продуктивном процессе поиска и порождения смысла в критических ситуациях" (с. 264). Вокруг этой категории выстраивается структура психотехники, основанная на типологиях "критических ситуаций", "жизненных миров", закономерностей переживания, смысловом связывании этих типологий. Сюда же относится представление о том, что переживания опосредованы культурными символами, которые кристаллизуют в себе культурно-исторический опыт переживания типовых ситуаций. Существенную роль в "понимающей психотерапии" играет модель структуры сознания, разработанная в русле идей А.П. Леонтьева и В.П. Зинченко (связь предмета, значения, личностного смысла и слова-знака).

Поскольку понимающая психотерапия "есть теория практики, а не объекта, она описывает не психику, а работу с психикой" (с. 277). Но её структурные элементы одновременно репрезентируют объект и метод работы с ним. Таковы, например, понятия "переживание" и "понимание". Они обозначают элементы психики, но вместе с тем - это и способы воздействия на психику. Психотерапевт стремится понять пациента, чтобы дать ему это понимание, а не для того, чтобы, используя своё понимание, *самому* (без сознательного участия пациента) исправить или вылечить его психику. Так создаётся "диалогическое поле", в котором воля терапевта служит свободе пациента, вызывая к действию его слово, волю, самосознание (с. 281).

Единство методологических установок "понимающей психотерапии" и КИП заметно, но нуждается в дальнейшей проработке. Оно, помимо прочего, в акцентуации "личностно-центрированного" подхода к проблемам психологии. Именно этот подход должен стать основой новой стратегии "супервизорского исследования" или "диалогически-деятельного исследования синергичной реальности". "Удивительная особенность супервизорского процесса состоит в том, что в нём создаются условия, в которых в известном смысле сама эта реальность начинает познавать и открывать самое себя" (с. 301).

Здесь - важная проблема: возможна ли взаимная конвертация "супервизорского исследования" и общепсихологического знания? Проблема пока не решённая, а она имеет исключительное практическое значение. В университетах студенты чаще всего получают так называемую академическую подготовку, т.е. изучают ту или иную психологическую теорию, но практическое мастерство психолога остаётся для них *terra incognita*; в то же время некоторые практические курсы психологии реализуют "откровенно ремесленную" установку. "Ситуация методологически опасна, однако и столь же продуктивна. И принципиальный путь творческого, плодотворного "переживания" этой ситуации видится как раз в создании психотехнических систем, превращающих психологическую практику в форму психологического исследования, развивающего различные ветви отечественной психологической традиции" (с. 304).

* * #

Одна из важных новаций представлена методом "виртуальной субъектности". Он "состоит в организации условий, в которых мог бы стать наблюдаемым сам переход возможности быть субъектом активности в действительность человека как субъекта активности" (с. 306). Речь идёт о ситуациях, в которых деятельность человека, осуществляемая им по собственному почину, выходит за рамки этих ситуаций (не определена ими) и становится свободной и ответственной. Будучи смоделированы в экспериментах, эти

ситуации демонстрируют факт "трансцендирования": человек способен на свободное самополагание как субъекта. Испытуемые обнаруживают склонность к "бескорыстному риску", т.е. проявляют активность, направленную "навстречу опасности" и не сулящую никаких ситуативных преимуществ (по Пушкину: "Всё, всё, что гибелью грозит, Для сердца смертного таит Незыблемы наслажденья - Бессмертья, может быть, залог!"). В ситуациях, когда действия человека ограничены неким условным или символическим пределом, субъектность выявляется в стремлении подойти к этому пределу и даже перейти его без каких-то прагматических мотиваций или обоснований. Сама "граница", будучи осознанной, при этом выступает как побудительный стимул к "трансцендирующему" действию. Та же закономерность обнаруживается в познавательных ситуациях. Человек ищет новые решения проблем, не только (а иногда и не столько) из-за стремления ослабить напряжение, вызванное "непокорностью" объекта, но и потому, что ему важно испытать собственные познавательные возможности (узнать самого себя). "Мыслительная задача может быть успешно разрешена, в то время как возникшая на её основе внутренняя личностная задача ещё далека от решения. Именно в таких случаях проявляется познавательная активность личности" (с. 377).

Ещё раз подчеркнём: психологические исследования, близкие методологическим установкам КИП, не просто родственны философии, особенно - философии культуры. Они - сама философия, получившая в психологии специальную форму теоретической активности. Какую ни взять проблему, формулируемую и решаемую в этих методологических рамках, она сплавляет в себе философское и психологическое содержание. Скажу больше: такая проблема как бы освещена двойным светом и потому становится объёмной, её рассмотрение создаёт эффект обоюдного узнавания. Когда психолог, проанализировав результаты экспериментов, делает вывод о том, что особой, выделяющейся среди прочих и дающей им смысл, единой потребностью индивида является "потребность самополагания, т.е. производства индивидом своего Я, себя как субъекта деятельности" (с. 388), то это читается и как важнейший философский тезис, и как методологическая установка.

Разумеется, существует множество философских доктрин и концепций. Между ними - споры, даже антагонизмы. Очевидно, что КИП вместе со своими методологическими принципами выбирает и определенную философию, онтологию и эпистемологию, но главное - философию культуры.

Та философия культуры, с которой перекликается, с которой сотрудничает, в терминах которой интерпретирует свои результаты КИП, может быть названа "антропоцентрической" в том смысле, что в центре её интересов, в сердцевине её понятийного аппарата....."человек-в-культуре". Согласно этой философской позиции, культура и личность находятся в нерасторжимом смысловом сопряжении, одно без другого не только не мыслимо, но и просто невозможно. Для этой философии, а следовательно, и для этой психологии, человек - это сущность, понимание которой никак не исчерпывается знаниями о его физиологии, о нейронной структуре коры головного мозга, о биологических "диспозициях" (среди которых обнаруживают даже корни нравственности или переживаний красоты), о социологических характеристиках его "повседневного бытия" или о связях между логическими выводами и свойствами языка как средства коммуникации и т.д. Человек - это прежде всего бесконечный потенциал, реализуемый в ориентации на культурно-ценностные универсалии, идеалы, принципы.

Идея "человека трансцендирующего", т.е. бесконечно устремлённого за рамки своего наличного бытия к идеальному пределу, в сегодняшней философии не является ни господствующей, ни даже популярной. Главная причина тому - в продолжающемся и углубляющемся кризисе европейской культуры. Впрочем, это кризис всемирный, так или иначе он затрагивает основания всех существующих ныне культурных форм. Кризис побуждает к пересмотру самой идеи антропоцентризма, в конечном счёте - к отказу от неё. В современных культурно-философских и психологических концепциях доминируют функционалистские, структуралистские, конструктивистские или прагматические подходы. На культуру всё чаще смотрят как на систематическое единство условий, обеспечивающих удовлетворение человеческих потребностей (от физиологических до духовных). В соответствии с

этим определяются и культурные ценности. Понятно, что философия культуры, полагающая высшей ценностью "потенциал трансцендирования" человека, его устремлённость к выходу за горизонт наличных потребностей, его причастность к созданию, умножению и сохранению "идеальных форм человеческой психики", не в центре внимания и не в фокусе симпатий.

В этом отношении методологические ориентации КИП выступают как ответ на вызовы современности, как готовность противостоять культурному кризису. "Наш методологический выбор в пользу культуры и истории",.....заявляют авторы (с. 505), и это заявление следует понимать со всей серьёзностью, ибо в нём сказано больше, чем выражено словами.

Эта статья - размышления философа о методологических проблемах психологии. Скорее всего, специалисты-психологи найдут в книге другие интересующие их темы, иначе расставят акценты, вступят в дискуссию по проблемам, затронутым и поднятым в ней. Я надеюсь, участие философа в такой дискуссии не будет лишним. И пусть продолжится диалог, ибо только в нём осуществимо единство, которое необходимо сегодня, чтобы стало возможным наше совместное будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Порус 1990 - *Порус В.Н.* Искусство и понимание: сотворение смысла// Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990.

Порус 2008 - *Порус В.Н.* Как объяснять? Знак развилки на пути психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 1 (январь-март).

Рикёр 2008 - *Рикёр П.* Я-сам как другой. М., 2008.

Толд, Богарт 2001 - *Толд Д., Богарт А.К.* Основы клинической и консультативной психологии. М., 2001.

Шпет 2006 - *Шпет Г.Г.* Сознание и его собственник // *Шпет Г. Г.* Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды. М., 2006.

Юм 1996 - *Юм Д.* Трактат о человеческой природе / *Юм Д.* Сочинения. Т. 1. М., 1996.

Юревич 2006 - *Юревич А.В.* Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. № 1.

Наши авторы

- БУЗГАЛИН**
Александр Владимирович - доктор экономических наук, профессор экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- КОЛГАНОВ**
Андрей Иванович - доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- ИЛЬИН**
Алексей Николаевич - кандидат философских наук, доцент кафедры философии Омского государственного педагогического университета
- ДЕВУЦКИЙ**
Владислав Эдуардович - доктор искусствоведения, профессор кафедры теории музыки Воронежской государственной академии искусств, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
- ПОРУС**
Владимир Натанович - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Национального исследовательского университета - Высшая школа экономики
- ГОРОХОВ**
Виталий Георгиевич - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН
- МОТОВНИКОВА**
Елена Николаевна - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ "БелГУ")
- ЧЕРНЯЕВ**
Анатолий Владимирович - кандидат философских наук, заведующий сектором истории русской философии Института философии РАН
- КИСЕЛЕВА**
Марина Сергеевна - доктор философских наук, заведующая сектором Института философии РАН
- СИНЕОКАЯ**
Юлия Вадимовна - доктор философских наук, профессор, зав. сектором истории западной философии Института философии РАН
- ЩЕДРИНА**
Татьяна Геннадиевна - доктор философских наук, доцент Московского педагогического государственного университета
- ЗЛОТНИКОВА**
Татьяна Семеновна - доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, директор НОЦ "Культуроцентричность научно-образовательной деятельности", заслуженный деятель науки РФ

Татьяна Иосифовна	- доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; проректор по учебной работе Ярославского государственного театрального института
ЛЕТИНА Наталья Николаевна	- доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского
КИЯЩЕНКО Лариса Павловна	- доктор философских наук, зам. начальника Управления "Общественные науки" РГНФ, ведущий научный сотрудник Института философии РАН
ТАНТЛЕВСКИЙ Игорь Романович	- доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета
КОВЕЛЬМАН Аркадий Бенционович	- профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой иудаики ИСАА Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
ГЕРШОВИЧ Ури	- доктор философии, директор исследовательского центра Еврейского музея и Центра Толерантности в Москве, лектор Центра Чейза Еврейского университета Иерусалима
ЛИФИНЦЕВА Татьяна Петровна	- доктор философских наук, профессор кафедры истории философии отделения философии НИУ ВШЭ